

А. Г. Шкваров

**РУССКИЕ ГАРНИЗОНЫ
В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ФИНЛЯНДСКОМ:
ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
С МЕСТНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ**

История размещения российских гарнизонов в Финляндии начинается с 1710 г., когда Выборгский лен был занят войсками Ф. М. Апраксина и превращен, по сути, в русскую провинцию. Однако нас интересует в качестве отправной точки присоединение всей Финляндии к Российской империи со статусом Великого княжества, юридически оформленное Фридрихгамнским мирным договором, подписанным в сентябре 1809 г.

Наиболее серьезное исследование истории пребывания русских войск с 1808 по 1918 г. в Финляндии принадлежит финскому историку П. Лунтинену¹. В отечественной историографии данная проблема исследована мало. Интерес представляют труды петрозаводских историков Е. Ю. Дубровской и И. М. Соломещ². Большое количество неопубликованных материалов хранится в Национальном архиве Финляндии в фондах «Канцелярии генерал-губернатора» и «Русские военные бумаги».

Необходимо отметить, что огромное влияние на отношение населения к расквартированным во всех крупных городах Финляндии русским гарнизонам и отдельным воинским командам оказал предшествующий столетний период, на который пришлось четыре войны. Трижды русские войска в ходе боевых действий полностью оккупировали территорию шведской провинции, устанавливая соответствующий режим. В народной памяти все это осталось как «годы лихолетья», «беды», и эти названия даже закрепились в официальной финской историографии.

Периоды оккупации давали о себе знать длительными посттравматическими психологическими синдромами в самых различных формах — от полной депрессии, передававшейся даже в поколениях, до открытой ненависти как к русским, так и к тем, кто сотрудничал с ними, входил в состав временной администрации, а также к женщинам, которые добровольно или же насильно, но имели связь с русскими солдатами, что превратило их позднее в фактических изгоев общества, «проституток» и «торговок спиртным»³. Война 1808–1809 гг. отмечена мощнейшим партизанским движением, чего не было в таких масштабах весь предшествующий век, и соответственно жестокими карательными мерами против партизан, что добавило неприязни местных жителей к расквартированным войскам как к завоевателям.

Все это складывалось в легенды, предания, мифы, передававшиеся из поколения в поколение, и формировавшие общее негативное отношение к русским, отголоски которого мы можем встретить даже сегодня. Примером этому служит совсем свежая статья в газете «Туурун Саномат», опять напоминающая о былых «зверствах» русских⁴.

С присоединением Финляндии к Российской империи отношение местного населения к расквартированным войскам можно охарактеризовать как спокойное, но настороженное. Особых конфликтов не возникало благодаря высокой дисциплине войск, поддерживаемой прежде всего офицерами с их либеральными европейскими взглядами, в том числе и на способы ведения войны и отношение к мирному населению, которое они вынесли из войн против Франции в 1799–1807 гг. Подтверждение этому мемуары Ф. Булгарина и Д. Давыдова.

Исключением здесь могут быть отдельные бытовые конфликты, связанные в основном с немногочисленным казачеством, присутствовавшим в Финляндии на протяжении всей истории Великого княжества. Отношения с местным населением складывались обычным для казаков образом. Исходя из того умозаключения, что они «защищают» жителей в понимании казака от возможного нападения некоего неприятеля, они находили возможным для себя порой пожить у имущества местного населения. На самом деле такие ситуации возникали повсеместно, где казаки несли кордонную службу, а не только

в Финляндии. Причем офицеры поощряли, а иногда даже и заставляли отнимать у местных жителей что-то необходимое для казачьей повседневной жизни⁵.

Что касается непосредственно Финляндии, то это подтверждается следующими фактами. Например, в 1816 г. есаул Поздеев донского полка отобрал у ленсмана⁶ Вазбеля сено для казачьих лошадей, за что позднее пришлось через канцелярию генерал-губернатора взыскивать с него 15 рублей⁷. В 1825 г. определенные «обиды» были нанесены крестьянам близ Сестрорецка офицерами и казаками другого донского полка⁸. А в 1831 г. казаки конфисковали 240 лисьих мехов близ города Торнео⁹ и т. д.

Надо отметить, что и финны в долгу не оставались, устраивали по этому поводу драки, в которых зачастую победителями выходили местные жители. Так, например, в Торнео избили казака Богданова, а в Куопио — казаков Мурзина и Попова¹⁰.

Интерес также вызывает документ от 12 января 1817 г. «О доставлении сведений о мальчике Иоганне, отданном по условию для воспитания казаку Василию Арешкину, и вывезенном им на Дон»¹¹. Речь здесь идет об усыновлении ребенка, что означало прежде всего то, что мальчик становился уже не финном, а природным казаком, получая даже отчество и фамилию усыновителя. И на основании этого, абсолютно не сомневаясь в правильности своего решения, казак Василий Арешкин вывез его на Родину, т. е. на Дон. Известный военный юрист Н. М. Харузин, изучая обычное право в Донском Войске, подчеркивал насколько серьезно в казачьей среде смотрели на факты усыновления чужого ребенка¹².

Появление собственных финских воинских подразделений, их участие в русско-турецкой (1877–1878.) войне, усилило националистические настроения в финляндском обществе при одновременном проведении политики централизации в империи, которая была воспринята финнами как русификация Финляндии, что вызвало протест и ухудшение отношений с российскими военными. Вторым шагом, обострившим эти отношения, стала ликвидация впоследствии этих национальных формирований и попытка распространить на Великое княжество действие закона о всеобщей воинской повинности в 1901 г.¹³

Произошли волнения и даже стычки. Западная пресса откликнулась массовыми публикациями о новых «зверствах» русских

казаков, которые «верхом въезжали в главный протестантский храм Хельсинки, вынуждая людей выпрыгивать в окна, избивали женщин и детей и даже убили полицейского»¹⁴.

Описываемые события относились к 1902 г. и, по мнению авторов публикаций, имели место по всей Финляндии. Однако на территории Великого княжества в тот момент находилось всего две сотни казаков 3-го Самаро-Уфимского Оренбургского казачьего войска полка¹⁵.

В целом обстановка в Финляндии в годы до и после первой русской революции не идет ни в какое сравнение с тем, что, скажем, творилось в Польше, где, помимо двух кровавых мятежей, имели место постоянные покушения на офицеров и солдат русской армии¹⁶. Однако продолжение политики русификации вызвало изменение сопротивления ей — с пассивного, на активное. Появилась партия, схожая по тактике с партией эсеров, — *Finska Aktiva Motståndsparti* (Партия активного сопротивления). Тем не менее массовая террористическая деятельность не осуществлялась, хотя имели место отдельные политические убийства — генерал-губернатора Бобрикова (3 июня 1904 г.) и прокурора Сената Йонсона (6 февраля 1905 г.), совершались единичные нападения на жандармов и солдат¹⁷. Но Финляндия считалась наименее затронутой террором окраиной империи, хоть ее и называли «красным тылом революции»¹⁸. Финляндские революционеры, как правого, так и левого толка, предпочитали иной путь борьбы с царским правительством. Их действия выражались в предоставлении другим антиправительственным организациям России убежища в Финляндии, поддержки подполья, а также в помощи в организации съездов и конференций нелегальным в империи организациям. Финские власти и полиция арестовывали филеров охранки и одновременно затрудняли выдачу русскому правительству революционеров, а также помогали этим революционерам бежать из-под стражи. Кроме того, власти явно оказывали содействие нелегально действовавшим в России организациям в изготовлении, испытании и перевозке бомб, а также взрывчатых материалов империи. Через Финляндию осуществлялись поставки оружия в центральную часть России, и жандармские, казачьи патрули были вынуждены постоянно рыскать по шхерам, стараясь этому помешать¹⁹.

Подпольная националистическая газета «Свободное слово», печатавшаяся за границей, опубликовала список финнов, продолжавших верой и правдой служить царю и «большому отечеству», называя их предателями Финляндии. В этом списке значилось и имя К. Г. Маннергейма²⁰.

Но даже всеобщее участие, включая финскую полицию, во всероссийской забастовке в октябре 1905 г., продолжавшейся две недели, не давало повода для вмешательства русских войск. Именно тогда в Гельсинфорсе была создана рабочая милиция — Красная гвардия под командованием капитана Йохана Кока, которая поддерживала порядок в столице Финляндии. Позднее эта же милиция приняла участие в свеаборгском восстании и была распущена после него, а 79 человек преданы финскому гражданскому суду.

После ликвидации национальных финских вооруженных сил, вся территория Великого княжества вошла в состав Петербургского военного округа. Накануне Первой мировой войны в Финляндии размещались части 22-го армейского корпуса, состоявшего из 4-х Финляндских стрелковых бригад (16 полков), 20-го Финляндского драгунского полка, 22-й мортирной батареи, 22-го саперного батальона и Оренбургского казачьего дивизиона: 1-я стрелковая бригада расквартировывалась от Або до Гельсингфорса, 2-я — от Куоволы до Выборга, 3-я — от Лахти до Тавастгуса, 4-я — от Або до Васы²¹. Общая численность корпуса достигала около 40 тыс. человек. 22-й корпус наряду с 18-м армейским корпусом входили в VI-ю армию, на которую возлагалась задача обороны Финляндии и Петербурга от Швеции²².

Для унтер-офицерского состава частей был выпущен специальный обзорный «Краткий очерк истории Финляндии и нынешнего его устройства», автором которого был ротмистр Ильин²³, где разъяснялись причины недовольства части жителей Великого княжества, в основном шведского происхождения, а также запрещалось причинять какие-либо «обиды» местному населению.

Между тем в финской прессе не прекращалась череда публикаций о дурном отношении русских солдат к местному населению, обвинений в воровстве, самовольстве, бесчинствах и приставании к женщинам. Возмущение газетчиков вызы-

вало, например, даже то, что отдельные воинские команды передвигаются по городу со строевыми песнями²⁴. В целом «претензии» не соответствовали действительности, но публикации являлись скорее отражением политики сопротивления высших слоев Финляндии имперскому давлению, что должно было настраивать финское общество против России. Попытки русских военных властей привлечь к ответственности за клевету журналистов и редакторов газет наталкивались на глухое сопротивление финских гражданских судов, ограничивавшихся вынесением виновным чересчур мягких приговоров, оставляя фактически их без наказания, что в свою очередь стимулировало продолжение подобных публикаций. Об остроте конфликта свидетельствуют десятки документов, выделенных канцелярией генерал-губернатора в особое делопроизводство: «Об оскорблении войск»²⁵. Однако в провинции сохранялось естественное общение, без обоюдной ненависти и серьезных конфликтов.

С началом Первой мировой войны военное присутствие в Финляндии было увеличено, части 22-го армейского корпуса постепенно были заменены на подразделения 42-го корпуса, созданного из полков 2-й и 3-й очереди. Вместе с бригадами и дружинами государственного ополчения, гарнизонами крепостей Выборга, Свеаборга, Або-Аландской укрепленной позиции, а также личного состава Балтийского флота, базировавшегося в ряде портов Финляндии, в первую очередь в Гельсингфорсе, общая численность русских войск достигла 125 тыс. человек²⁶.

Отношения между военными и местным населением в целом оставались спокойными. Наряду с отдельными высказываниями о том, что «немцы победят и освободят от русского ига», нашлось 544 добровольца, вступивших в русскую армию. Неразбериха первых месяцев войны закончилась, население Финляндии получило возможность брать подряды у военного ведомства, сбывать часть продуктов в воинские гарнизоны, производить натуральный обмен²⁷. Вместе с тем имели место случаи дебошей и вызывающего поведения отдельных военнослужащих, в том числе и офицеров, зачастую из-за незнания местных обычаев²⁸. Проявление неприязни и упреки со стороны русских военных могли объясняться и тем фактом, что население Великого княжества было освобождено от воинской повинности.

Тем не менее затянувшаяся война неизбежно вела к общему напряжению социально-политической обстановки в России, а в Финляндии к этому добавлялись противоречия националистического характера, с социальным подтекстом, в то же время усиливались сепаратистские настроения.

Февральская революция, падение самодержавия были встречены одинаково радостно и солдатами, и матросами, и жителями Финляндии. Однако эйфория первых дней прошла, и стало сразу понятно, чего каждый ждал от революции. Финляндия ощущала приближение своей независимости. В этом отношении присутствие русских войск стало вызывать особенное недовольство, тем более что дисциплина среди солдат и матросов стремительно падала²⁹. Временное правительство начало осуществлять переброску части войск из Финляндии, с одной стороны, с целью уменьшить революционное брожение, с другой — усилить боевые части, так как обстановка на фронтах была катастрофической.

Летом 1917 г. финляндская демократия выступила за принятие сеймом законопроекта о верховной власти, что означало передачу всей полноты законодательной и исполнительной власти автономному княжеству, за исключением внешнеполитических вопросов. Временное правительство позволить этого не могло, поэтому А. Ф. Керенский отдал приказ о роспуске сейма. Но в возникший тогда конфликт оказались втянутыми русские войска³⁰. Матросы и солдаты Гельсингфорса отказались подчиняться Временному правительству. Тем не менее прибывшие незадолго до этих событий в Финляндию казачьи части воспрепятствовали проведению очередного заседания уже распущенного русским правительством сейма³¹. Между тем численность войск в Финляндии к концу 1917 г. сократилась почти вдвое от первоначальных 125 тыс. человек.

В конечном итоге русские войска, находившиеся в Финляндии, прямого участия в политической борьбе в этой стране не приняли. Русская армия практически никак не отреагировала на провозглашение 6 декабря 1917 г. независимости страны. Более того, в начавшейся затем в Финляндии в 1918 г. гражданской войне присутствие частей 42-го корпуса и моряков Балтийского флота также мало влияло на общую ситуацию в стране. Русские войска заняли нейтральную позицию, которая

явно не устраивала обе враждующие финские стороны. Красные рассчитывали на реальную помощь со стороны русских, белые, которыми командовал К. Г. Маннергейм, ставили задачу разоружить русские гарнизоны и переправить их в Россию. При этом случались столкновения и обоюдные как боевые, так и случайные потери. Но они не носили массового характера. Гораздо больше русских солдат и матросов погибло уже после победы белых, поскольку тогда некоторые из них все же решились по собственной инициативе участвовать в финской гражданской войне на стороне красных и после поражения красных попали в плен в Финляндии. В свою очередь, как только красные финны поняли, что русские не собираются активно участвовать в предстоящей борьбе, начался ряд выступлений, носивших явно неприязненный к русским характер, захватывались склады с оружием и некоторые укрепленные позиции³².

Вместе с тем психология общества, порожденная жесточайшей гражданской войной и истреблением соотечественников, нашла свое проявление в поиске врага с националистической позиции. Именно этим можно объяснить жестокие расправы с русским мирным населением, оставшимся в стране после окончания гражданской войны, в Выборге и других городах Финляндии. Но массовые казни русских весной 1918 г. уже в меньшей степени можно отнести к проблеме взаимоотношений гарнизонов российской армии в Великом княжестве Финляндском с местным населением.

¹ *Luntinen P.* The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808–1918. Helsinki. 1997.

² Напр.: *Е. Ю. Дубровская.* Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Перовой мировой войны (1914–1918). Петрозаводск. 2008; *Соломещ И. М.* Финляндская политика царизма в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.). Петрозаводск, 1992.

³ *Vilkuna K. H. J. Viha.* Perikato, katkeruus ja kertomus isostavihasta. Helsinki. 2005. P. 585–587.

⁴ *Vahtera R.* Tuon uljaan kasakat //Turun Sanomat. 01.02.2010.

⁵ *Мануйлов А. Н.* Обычное право кубанских казаков. СПб., 2007. С. 196–197.

⁶ Представитель местной полицейской и податной власти в Финляндии.

⁷ Kansallisarkisto (далее: KA). Kenraalikuvernöörin kanslian asuakirjat. Fa 138. № 85.

- ⁸ Ibid. Fa 265. № 144.
- ⁹ Ibid. Fa 450. № 133.
- ¹⁰ Ibid. Fa 463. № 526; Fa 1206. № 40.
- ¹¹ Ibid. Fa 144. № 8.
- ¹² Харузин М. Н. Сведения о казацких общинах на Дону: Материалы для обычного права. Вып. 1. М., 1885. С. 85–88.
- ¹³ Последним был расформирован Гвардейский батальон в 1905 г.
- ¹⁴ The disorders in Finland. Due to the Recruiting Law — Cossacks invaded Homes of Peaceable Citizens of Helsingfors// The New York Times. April 26, 1902.
- ¹⁵ Halen H. Kasakat Suomessa 1712–1924. Helsinki. 2004. S. 16–17.
- ¹⁶ Гейфман А. Революционный террор в России 1894–1917. М., 1997. С. 37–40.
- ¹⁷ Например, об этом говорится в рапорте коменданта крепости Выборг ген.-лейт. А. К. Петрова начальнику 22-го корпуса от 12 ноября 1911. РГИА Ф. 1276. Оп. 18. Д. 329. Л. 113 об.
- ¹⁸ Невалайнен П. Изгой. Российские беженцы в Финляндии (1917–1939). СПб, 2003. С. 16.
- ¹⁹ Гейфман А. Революционный террор в России 1894–1917. С. 46–47.
- ²⁰ Глазков К. В. Белое дело генерала России и маршала Финляндии Карла Густава Маннергейма. К 50-летию со дня кончины // Кадетская переписка. 2002. Апрель. №№ 72–73. Нью-Йорк. С. 80.
- ²¹ Места дислокации: 1-й Финляндский стрелковый полк — Або, 2-й и 3-й — Гельсингфорс, 4-й — Экенес, 5-й — Св. Михель, 6-й — Фридрихгам, 7-й и 8-й — Выборг, 9-й — Тавастгус, 10-й — Рихимяки, 11-й — Лахти, 12-й — Куовола, 13-й — Николайштадт, 14-й Таммерфорс, 15-й — Тавастгус, 16-й — Або; 20-й драгунский Финляндский полк — Вильманstrand. Артиллерийские дивизионы расквартировывались в Экенесе, Куоволе и Тавастгусе (Марков О. Д. Русская армия 1914–1917 гг. СПб., 2001. Приложение №№ 2–3).
- ²² Вооруженные силы Швеции на тот момент составляли около 120 тыс. человек. — Luntinen P. French information on the Russian War Plans 1880–1914. Helsinki. 1984. P. 181.
- ²³ KA. Venäläiset sotilasasiakirjat. Д. 17247 Л. 1–24.
- ²⁴ Ibid. Kenraalikuvernöörin kanslian asuakirjat. Hd 105:22. Д. 20 Оскорбленные войск.
- ²⁵ Ibidem.
- ²⁶ Ibid. Venäläiset sotilasasiakirjat Д. 7682. Приказ № 1 по 42-му армейскому корпусу от 10 июля 1915 г.
- ²⁷ Дубровская Е. Ю. Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918). С. 57–67.
- ²⁸ KA. Kenraalikuvernöörin kanslian asuakirjat. Hd 102. Справка о бывших в Финляндии в 1915 г. происшествиях.
- ²⁹ В своих мемуарах офицер 1-го Кавказского казачьего полка Ф. И. Елисе-ев, прибывший с Кавказа, отмечает, что поначалу финны приняли их довольно прохладно, но удостоверившись в том, что дисциплина казачьих частей намного

лучше, нежели разогитированных большевиками пехотных полков русской армии, изменили свое отношение к казакам. См.: *Елисеев Ф. И.* С Корниловским конным. М., 2003. С. 348–390.

³⁰ *Дубровская Е. Ю.* Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918). С. 109.

³¹ В 1917 г. в Финляндию прибыла Закаспийская казачья бригада (кроме Туркестанского дивизиона), переформированная в 5-ю Кавказскую казачью дивизию — 1-й Таманский генерала Бескровного Кубанского казачьего войск полк, 1-й Кавказский ген.-фельдм. Кн. Потемкина-Гаврического Кубанского казачьего войска полк, 4-ая Кубанская казачья батарея; 3-й Линейный, 3-й Екатеринодарский и 3-й Кубанский, а также 43-й Донской полки. Все полки Кубанского казачьего войска 3-й очереди. 3-й Кубанский казачий полк из состава 4-й Кавказской казачьей дивизии. 43-й Донской полк полковника Нефедова не входил в состав бригад и дивизий. См.: *Керсновский А. А.* История русской армии. Т. IV. М., 1994. С. 17–18.

³² РГА ВМФ. Ф. з-42. Оп. 1. Д. 18.